

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 9

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АМЕРИКАНСКИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ
В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
УЧЕНЫХ СИБИРИ И ПРЕПОДАВАНИИ
В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»

Томск, 18–19 октября 2007 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В XX в.

С.А. Шпагин

Томский госуниверситет

Как крупное и оригинальное явление русской философии и общественной мысли славянофильство давно привлекало внимание не только в России, но и за рубежом. Однако в первой половине XX в. интерес к этому предмету успешно удовлетворялся почти только сочинениями русских эмигрантов, многие из которых были крупными специалистами в данной области. Достаточно назвать имена таких видных исследователей, как Н.А. Бердяев, Р.В. Иванов-Разумник и А. Койранский, которые в период пребывания в эмиграции уделили славянофильскому учению немало места на страницах своих обобщающих работ по истории русской мысли, ныне переизданных в России¹. Специализированное изучение славянофильства в тот период носило отрывочный характер и было рассчитано почти исключительно на русскую читательскую аудиторию. Работы об отдельных славянофилах или о течении в целом выходили в тот период в эмигрантских издательствах лишь на русском языке, и попыток их перевода на иные языки не предпринималось². Единственное исключение из этого правила составила книга французского аббата А. Грасье об А.С. Хомякове, но и она долгое время оставалась известной только узкому кругу специалистов³.

Все это время американские историки не проявляли особого интереса к российской проблематике⁴. Изоляционистские установки, господствовавшие тогда в американском обществе, долго оказывали определяющее влияние на состояние исторической науки в США. Если история Западной Европы еще могла становиться и становилась объектом исследований, то русская история в целом мало у кого вызывала интерес. В еще большей степени это относится к такой специфической теме, как славянофильство, изучать которое в США до середины XX в. не брался никто.

Вторая мировая войны вырвала американское общество из этого состояния и заставила по-новому посмотреть на мир вокруг него.

Совместная с СССР победа над фашизмом, а затем (и в еще большей степени) начало «холодной войны» стимулировали заметный рост интереса к русской истории как среди западной общественности в целом, так и в правящих кругах США. И если рядовых американцев просто интересовало, «кто такие эти русские парни?» и «почему они такие?», то интерес американской политической элиты к России и ее истории носил вполне прагматический характер. В частности, госдепартаменту и ЦРУ США для моделирования процесса принятия политических решений в СССР необходимо было учесть культурный фактор. А для этого, в условиях закрытости советского общества от Запада, требовалось изучить опыт русской истории, философии, литературы и общественной мысли.

У интереса американских политиков к славянофильской и шире – российской историко-культурной тематике был и другой, идеологический, аспект. Как известно, советские историки и обществоведы долгое время обосновывали формационное единство всемирной истории и универсальность российского исторического опыта. Тем самым историческая наука в СССР создавала идеологическую аргументацию для признания коммунистической перспективы столь же универсальной. Соответственно, правящим кругам США для опровержения подобных выводов необходимо было представить собственные доказательства уникальности исторического пути России. Естественно, что в этой связи особое внимание привлекли к себе труды тех русских философов, историков и публицистов, которые сосредоточились на подчеркивании культурно-исторического своеобразия России в сравнении со странами Запада.

Именно в таком контексте после Второй мировой войны в США получила большое развитие русистика и появились первые труды о славянофилах. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в США были опубликованы обширные курсы лекций по истории русской философии В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, С.А. Левицкого⁵. Их издание обратило внимание ученых и политиков на важность славянофильских идей для понимания национального своеобразия России в русской философии и общественной мысли в XIX – начале XX в. На этой основе перед американскими гуманитариями логично вставала задача специального исследования философских, литературно-эстетических и политических идей славянофилов.

Первым – и весьма плодотворным – опытом решения этой задачи стала монография русского эмигранта Н.В. Рязановского «Россия и

Запад в учении славянофилов» (1952). Эта книга интересна во многих отношениях. Она основана не только на анализе опубликованных трудов самих славянофилов и их последователей, но и на изучении архивных материалов, в том числе хранившихся в СССР. Судя по формулярам единиц хранения фонда Елагиных-Киреевских⁶ в отделе рукописей Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина, американский историк работал в советских архивах в 1950 г. – в самый разгар «борьбы с космополитизмом»!

Кроме того, Н.В. Рязановскому удалось использовать на страницах своей довольно компактной работы практически всю известную на тот момент историографическую базу. Она включила в себя не только фундаментальные труды дореволюционных историков М.О. Гершензона, В.З. Завитневича, Н.П. Колюпанова⁷, не только упомянутые выше работы современных ему авторов, но и многочисленные статьи, написанные о славянофилах и их учении как в России, так и за рубежом. В этом смысле книгу Рязановского можно рассматривать в качестве своеобразного идейного «моста» между русской дореволюционной историографической традицией, уцелевшей в эмиграции, и собственно американской исторической наукой.

Сама концепция монографии довольно интересна и не утратила своего значения до настоящего времени. Кратко суммировав на страницах второй главы общее и особенное в жизненном и творческом пути шести наиболее видных славянофилов, Н.В. Рязановский сосредоточил основное внимание на реконструкции их идеологии. Он исходил из представления о славянофильстве как о специфической идеологизированной версии романтизма. Источниками славянофильской идеологии автор считал влияния европейского романтизма и православной святоотеческой литературы⁸. Тем самым Н.В. Рязановский попытался объединить в своей работе позиции дореволюционной либерально-западнической историографии и ее национально ориентированных критиков. Историки-западники, в лице П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова, Ф. Степуна и других, сводили вопрос об идейных истоках славянофильства к утверждениям о заимствованиях из философской мысли Запада, особенно из философии немецких романтиков⁹. Их оппоненты обращали особое внимание на связь славянофильской мысли с православной традицией, особенно со святоотеческой литературой¹⁰.

На главное место в структуре учения славянофилов американский историк поместил противопоставление России и Запада.

Н.В. Рязановский рассматривал характерные для рассуждений славянофилов бинарные оппозиции «мы» (свои, православные, русские) – «они» (чужие, католики, протестанты, европейцы) как основополагающие смысловые структуры их идеологии. На протяжении почти половины своей книги он прослеживал эти оппозиции в различных аспектах – в психологической, философской, исторической, политической, правовой, экономической, образовательной сферах¹¹.

Наконец, книга Н.В. Рязановского любопытна еще и тем, что сыграла важную роль в развитии американской историографии славянофильства. Именно ее выводы стали некоторой общей основой для дальнейшего исторического анализа и оценки идеологии славянофилов американскими авторами. В отличие от советских историков, которые с конца 1930-х гг. сосредоточили свое внимание на материальных истоках и классовой сущности славянофильского учения¹², историки в США вслед за Н.В. Рязановским начали ставить на первое место интеллектуальные и духовные факторы его возникновения. Большое значение имел и другой вывод книги: «Славянофильство было, прежде всего, выражением определенного чувства, особого взгляда на мир. Славянофилы истолковали свой психологический опыт в христианских и романтических выражениях, а затем использовали романтизм, чтобы спроецировать свои психологические симпатии и антипатии в социальную плоскость и создать романтическую доктрину истории, общества и жизни»¹³. Таким образом, романтизм в интерпретации Н.В. Рязановского приобретал двойственное значение. С одной стороны, он рассматривался как интеллектуальный источник учения славянофилов, с другой стороны – инструментально, как способ рационализации их субъективных переживаний. Соответственно перед американскими историками вставала задача установления детальной связи между жизненным опытом славянофилов и конкретными положениями их учения.

Решению этой задачи был посвящен, пожалуй, самый масштабный в американской историографии славянофильства исследовательский проект – цикл монографий П. Кристоффа о ведущих славянофилах – А.С. Хомякове, И.В. Киреевском и К.С. Аксакове. Такая «персонализированная» структура работы была вызвана сознательным решением ее автора «сконцентрироваться на обусловленности московского славянофильства и, до некоторой степени, на описании непосредственного окружения, в котором оно возникло»¹⁴. Сложность этой задачи оказалась настолько значительна, что историку

даже пришлось вынести в самостоятельный труд исследование интеллектуальных истоков славянофильской проблематики русской общественной мысли в начале XIX в.¹⁵

Вместе с тем разбиение исследования на самостоятельные книги по персоналиям объясняется и методологической позицией историка. П. Кристофф исходил из представления о том, что «нет славянофильства, но есть только несколько отдельных славянофилов»¹⁶. Хотя такой подход к определению объекта исследования выглядит отчасти спорным, именно он позволил историку обратить больше внимания на психологические аспекты темы и подчеркнуть тесную взаимосвязь идей славянофилов с обстоятельствами их жизни.

Структура всех трех монографий П. Кристоффа однотипна. В первой их части историк характеризовал процесс становления личности изучаемого мыслителя в историческом контексте, обращая при этом особое внимание на внутрисемейные отношения, социальную среду и идейные связи. Изложение структурировано автором строго в хронологическом порядке протекания важнейших событий. Особенно хорошо это видно на примере тома, посвященного А.С. Хомякову. Первая часть этой книги четко подразделяется на главы по десятилетиям жизни героя: «1820-е. – Старые идеи и новые начала», «1830-е. – Вызов», «1840-е – Спор», «1850-е – Последняя фаза»¹⁷.

Вторая часть всех монографий посвящена реконструкции внутренней логики учения каждого из славянофильских мыслителей. Особое место в этих работах занимает изложение их философских, религиозных, политических и экономических воззрений. В частности, значение идей Ф.В.Й. Шеллинга для славянофилов П. Кристофф видит в том, что «линия между философией Шеллинга и религией была проведена нечетко», и это давало им возможность опираться на выводы немецкого философа для доказательства совместимости религии и философии¹⁸. Вместе с тем историк не склонен переоценивать значение зарубежной философии для складывания славянофильства и уделяет большое внимание социальной и культурной обусловленности его идеологов. Так, А.С. Хомякова П. Кристофф называет «прирожденным славянофилом», объясняя его убеждения православным семейным воспитанием¹⁹. В томе о К.С. Аксакове автор также подчеркивает огромную роль семьи в формировании мировоззрения будущего славянофила и считает, что именно под этим влиянием Аксаков начал склоняться к славянофильству²⁰.

Вместе с тем процесс выработки славянофильских воззрений не носит в интерпретации П. Кристоффа предопределенного характера и тесно связывается с самим ходом литературного процесса и идейной борьбы в русском обществе в середине XIX в. Так, окончательный переход того же К.С. Аксакова на сторону основоположников славянофильства объясняется в книге его расхождениями с М.А. Бакуниным в вопросе оценки творчества Шиллера и с В.Г. Белинским – в оценке сочинений Гоголя²¹.

Итоговый вывод П. Кристоффа довольно примечателен: «В наиболее элементарной форме славянофильство опиралось на учение Хомякова о соборности – христианском содружестве в любви и свободе; на цельность духа Ивана Киреевского – свободный союз в вере всех познавательных способностей человека, включая разум; на хоровой принцип Константина Аксакова, при котором социальный порядок представлен как гармоничный хор, а личность – как художник, имеющий общественную цель... Исходной точкой для всех идей было православие, и московское славянофильство было в этом смысле характерно русской школой мысли, несмотря на некоторые ранние западные влияния, особенно романтизм, которое было особенно сильным в случае Киреевского и Аксакова»²². Бросается в глаза, что такой вывод даже терминологически противоречит исходному отрицанию автором единства славянофильского учения. Складывается впечатление, что двадцатилетнее погружение в тему заставило историка пересмотреть его собственную позицию.

В отличие от Н.В. Рязановского, П. Кристофф гораздо определеннее расставляет акценты по отношению к истокам славянофильства и отдает предпочтение эндогенным факторам. В его понимании главными из них следует считать православие и семейное воспитание. Романтизм и западная философия хоть и повлияли на становление идей основоположников учения, но не сыграли определяющей роли в этом процессе.

Несколько иной позиции придерживается Э. Глизон, который одновременно с П. Кристоффом выпустил в 1972 г. фундаментальную работу об И.В. Киреевском. Глизон не считает Киреевского «оригинальным мыслителем первого ранга», а значение его видит в переносе в Россию «идей интеллектуальной контрреволюции в Европе», ярко выраженных в философии немецких романтиков²³. Переход Киреевского на славянофильские позиции объясняется в книге следствием психологических факторов, таких как переживания по

поводу запрета его журнала и впечатление от знакомства с монахами Оптиной пустыни²⁴. Историк указывает на такие исторические и культурные источники славянофильства, как «салонность» и «разговорность» дворянской культуры, традиционный «рурализм», поиски «духовной цельности» русскими масонами и восстание декабристов. Но важнейшее место он отводит все же знакомству его идеологов с романтической и консервативной мыслью Запада²⁵.

Большое методологическое значение для историографии славянофильства в США имела теория модернизации. Задаваемый этой теорией прогрессистский критерий оценки социально-философских и идейно-политических учений позволяет выделять среди них сторонников и противников модернизации, причем первая из этих двух позиций по определению рассматривается как предпочтительная. В русле идей Н.В. Рязановского основная часть американских историков продолжает оценивать славянофильство как исключительно консервативное идейное течение, принципиально противостоявшее всем попыткам модернизации русского общества. Учитывая то обстоятельство, что для многих американских авторов модернизация воспринимается в русле вестернизации, трансляции западноевропейских и американских ценностей и институтов в незападную социокультурную среду, несложно понять, почему учение славянофилов было интерпретировано ими как консервативно-националистическое и оценено негативно.

Например, Э. Таден указывает на то, что попытки славянофилов «определить и описать природу русской народности имели большую важность для дальнейшего развития националистической мысли в России XIX в.»²⁶ Поэтому историк включает славянофильство в традицию «консервативного национализма» на этапе «русского романтического национализма». Вслед за своими коллегами Э. Таден подчеркивает склонность славянофилов к идеализации «раннего Московского и Киевского периодов русской истории, как гармоничной эпохи без бюрократии, классового деления и конфликтов, что якобы характеризовали историю Западной Европы». В связи с общностью романтических представлений о прошлом исследователь также склонен сблизить позиции славянофильства и теории «официальной народности»: «В определении природы исторической индивидуальности допетровской России славянофилы, подобно другим русским консерваторам и националистам, принимали самодержавие, право-

славие и народность как отличительные черты российской цивилизации»²⁷.

Автор обширного исследования жизни и творчества П.Я. Чаадаева – Р. Мак-Нелли интерпретировал спор западников и славянофилов в целом как прямое следствие вестернизации российского общества. «Русские интеллектуалы, как и интеллектуалы из различных западных стран, оказывались исторически разделены на две главные группы, когда сталкивались с влиянием модернизации. Одна группа интеллектуалов была обычно вынуждена принять западные пути, чтобы оживить собственную культуру; в то время как другая группа в основном пыталась переосмыслить старые национальные культурные ценности, чтобы предотвратить влияние модернизации. В России эта поляризация приняла определенную форму в противоречии между западниками и славянофилами в течение первой половины XIX в.»²⁸ Таким образом, в западниках автор увидел носителей прогрессивных ценностей вестернизации, а в славянофилах – защитников национальных ценностей русского традиционализма. Несмотря на известную степень упрощения проблемы, этот подход позволил ему подчеркнуть объективную природу обоих течений русской мысли и связать проблематику их спора не столько с идейными заимствованиями с Запада или психологическими различиями его участников, сколько с объективными закономерностями и противоречиями развития самого российского общества²⁹.

В этом смысле классическая книга Р. Пайпса «Россия при старом режиме» (1974) в части, касающейся славянофильства, представляет собой некоторый шаг назад в осмыслении этого явления. Как известно, Пайпс считает главным источником исторической динамики российского общества культурные вызовы западноевропейской цивилизации. Поэтому неудивительно, что и славянофильство в его работе предстает результатом западных интеллектуальных влияний. Признавая, что оно стало основой наиболее плодотворного течения русской общественной мысли, историк делает акцент на несамостоятельности идей этого течения. Славянофильский лагерь, по его словам, «создал первую идеологию русского национализма (в отличие от ксенофобии), и сделал это путем заимствования идей в Западной Европе, чтобы с их помощью возвысить Россию на западноевропейский счет»³⁰. Повторяя выводы своих коллег по поводу идеализированного представления славянофилов о прошлом России, Пайпс совершает только одну оригинальную ошибку. «По всей видимости, –

пишет он, – славянофильское мировоззрение было меньше обязано собственно русской традиции, чем тогдашнему движению “Молодая Англия”. Славянофилы были большими англоманами...»³¹ Это мнение, отчасти справедливое для А.С. Хомякова и А.И. Кошелева, к остальным славянофилам отношения не имеет.

После выхода в 1982 г. в свет последнего, третьего тома книги П. Кристоффа о К.С. Аксакове в США появилась только диссертация Л.Д. Кальдера «Политическая мысль Ю.Ф. Самарина» (1987), посвященная частным аспектам темы. С тех пор в США крупных исследований по данной тематике не выходило. Думается, что это не случайно. Достигнув пика своего развития в 1960–1970-х гг., американская историография славянофильства в определенной мере «выдохлась». Возникший в связи с решением практических задач политического противоборства в годы «холодной войны» интерес к славянофильству иссяк вскоре после того, как конфликт сверхдержав утратил свою остроту.

Подводя итоги изучению американской историографии русского славянофильства, хотелось бы выделить наиболее заметные ее черты. Прежде всего, это преемственность с русской дореволюционной историографической традицией – преемственность как персональная, так и концептуальная. Отмеченные выше линии в объяснении генезиса и сущности славянофильского учения дореволюционными русскими исследователями получили во второй половине XX в. подробную разработку в сочинениях их коллег в США. Более того, часть работ американских авторов так и не поднялась над выводами своих русских предшественников.

Другая характерная черта исследований славянофильства в США – это глубокий психологизм, тщательное проникновение в личностные мотивы поведения и стиля мышления изучаемых исторических деятелей. Поэтому самыми удачными следует признать те работы американских авторов, которые выполнены в биографическом жанре.

Наконец, специфическую роль сыграла политизация американской исторической науки. Она проявилась и в выборе ракурса большинства исследований, и в способе интерпретации их результатов. В отличие, например, от германских ученых, историки США склонны обращать больше внимания на политические воззрения славянофилов или на политические выводы из их философии. Никто из американских историков (в отличие от их итальянских коллег³²) не усомнился в отнесении славянофилов к консервативному направле-

нию русской общественной мысли. Именно эта политизация отчасти стимулировала внимание к изучению данной темы. Но она же преопределила и наблюдаемый в наши дни спад интереса к ней.

---

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) История русской общественной мысли. М., 1997. Т. 1–3; Коюре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX в. М., 2003.

² Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925; Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. Париж, 1926; Скобцова Е. Алексей Хомяков. Париж, 1929; Дорн Н. Иван Киреевский, опыт характеристики учения и личности. Париж, 1932; Смолич И. И.В. Киреевский // Путь. 1932. №33. Апр. С. 52–66.

³ Gratieux A. A.S. Khomiakov et le mouvement slavophile. P., 1939.

⁴ Ограничивая тему данной статьи, хотелось бы сразу оговориться, что под «американской» историографией в ней будет пониматься историческая наука в США. Суженная трактовка данного понятия представляется оправданной в силу того, что в Америке за пределами США изучение русской общественной мысли еще не получило широкого развития. Поэтому ни о канадской, ни о латиноамериканской историографии славянофильства говорить пока не приходится.

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991; Левицкий С.А. Лекции по истории русской философии. М., 1996.

⁶ ОР РГБ. Ф. 99.

⁷ Гершензон М.О. Исторические записки (о русском обществе). М., 1910; Он же. Образы прошлого. М., 1912; Завитневич В.З. А.С. Хомяков. Киев, 1905. Т. 1–2; Колупанов Н.П. Биография А.И. Кошелева. М., 1892. Т. 1–2.

⁸ Riasanovsky N. Russia and the West in the teaching of Slavophiles: A study of romantic ideology. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1952. P. 174.

⁹ См., напр.: Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 117; Милюков П.Н. Славянофильство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30. С. 307; Степун Ф. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Русская мысль. 1910. Кн. 3. С. 77.

¹⁰ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Томск. 1996.

¹¹ Riasanovsky N. Op. cit. P. 60–83, 143–149.

¹² Державин Н.С. Герцен и славянофилы // Историк-марксист. 1939. №1. С. 125–145; Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. №1. С. 85–97.

¹³ Riasanovsky N. Op. cit. P. 185.

¹⁴ Cristoff P.K. An introduction to Nineteen-Century Russian Slavophilism. A Study in Ideas. Vol. 1: A.S. Khomiakov. Mouton, 1961. P. 9.

¹⁵ Cristoff P.K. The third heart. Some intellectual-ideological currents and cross currents in Russia 1800–1830. Mouton: The Hague-Paris, 1970.

¹⁶ Cristoff P.K. An introduction to Nineteen-Century Russian Slavophilism. Vol. 1. P. 8.

¹⁷ Ibid. P. 23–117.

¹⁸ Ibid. P. 123–124.

-
- ¹⁹ *Cristoff P.K.* An introduction to Nineteen-Century Russian Slavophilism. Vol. 1. P. 25.
²⁰ *Ibid.* Vol. 3: K.S. Aksakov. A study in ideas. Princeton, 1982. P. 8–9.
²¹ *Ibid.* P. 69.
²² *Ibid.* P. 426.
²³ *Gleason A.* European and Muscovite: Ivan Kireevsky and the origins of Slavofilism. Cambridge (Mass.), 1972. P. 1.
²⁴ *Ibid.* P. 151–153.
²⁵ *Ibid.* P. 178–179.
²⁶ *Thaden E.* Conservative Nationalism in Nineteen-Century Russia. Seattle, 1964. P. 32.
²⁷ *Ibid.* P. 33.
²⁸ *McNally R.T.* Chaadaev and his friends: An Intellectual History of Peter Chaadaev and His Russian Contemporaries. Tallahassee, Florida, 1971. P. 58.
²⁹ *Ibid.* P. 61, 118.
³⁰ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 348.
³¹ Там же. С. 350.
³² *Карпи Г.* Были ли славянофилы либералами? // <http://www.nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/inostr40.html>

AMERICAN 20th CENTURY'S HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN SLAVOPHILISM

S.A. Shpagin

Tomsk State University

The article is devoted to study of 19th century Russian Slavophilism by contemporary historians in the USA. Author stresses the large «cold war» influence and political character of American investigations in Slavophilism. The US historiography pays attention to psychological aspects of the theme and close relationships with the Russian historical science before the revolution in 1917. The publication will interest the experts in history of the political and legal doctrines, and also everybody interested in Russian philosophy and history of social ideas of Russia.